

ОТЗЫВ

на автореферат диссертации Р. С. Соловьева

**«Жизнь Плотина Порфирия в историко-литературном контексте II–III века и проблема ее жанровой неоднородности»,
представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 5.9.7 – Классическая, византийская и новогреческая филология**

Диссертационное исследование Романа Сергеевича Соловьева посвящено проблеме взаимодействия и взаимовлияния христианской и языческой литературы Римской империи II–III вв. н. э. на материале философской и богословской прозы. Учитывая, что названные процессы происходили в контексте полемики определенных философских школ и подпитывались передачей идей и моделей аргументации от учителей к ученикам, представляется чрезвычайно удачным, что в качестве основного объекта исследования Р. С. Соловьев выбрал сочинение биографического и библиографического жанра – жизнеописание неоплатоника Плотина, написанное его многолетним слушателем и собеседником Порфирием в качестве предварения к изданию «Эннеад».

Весьма полезный историографический обзор, составляющий первую главу работы, автор с самого начала выдерживает в полемическом духе, вероятно, вдохновляясь стилистикой своих героев – обвинителей и апологетов начала новой эры. Это очевидно уже из заглавия – *«Историографические штампы в исследовании позднеантичной литературы»*. Тем не менее, автору удается продемонстрировать объективность и основательность в суждениях и учитывать результаты обширного круга публикаций, посвященных литературе поздней Античности. Справедливой представляется предложенная критика концепции Э. Доддса о масштабном «духовном кризисе» в эпоху империи; Р. С. Соловьев упрекает этот подход в анахронизме и игнорировании важнейших принципов феноменологии религии, а также в недостаточном внимании к сочинениям Отцов церкви (характерном в целом для филологов-классиков). Наряду с этим, диссертант критически анализирует работы, односторонне рассматривающие процесс эллинизации раннехристианских авторов и влияния греческой философии на христианскую веру и постулирующие при этом закрытость платоновских философских школ для христианского влияния.

В следующих главах диссертации на основе анализа конкретных текстов (сочинений Нумения Апамейского, Кельса, Амелия, Порфирия) демонстрируются несомненные (по крайней мере, в совокупности собранного материала) свидетельства влияния христиан на платоников, знакомства последних с текстом Септуагинты и Евангелия от Иоанна, трудами Филона Александрийского, толкованиями христианских авторов, а также открытости философов-платоников к христианской топике и терминологии. Диалогу христиан и платоников способствовало, с одной стороны, то, что их круг чтения составляли в значительной степени одни и те же тексты (известные со школы), с другой стороны, то, что некоторые заметные авторы в процессе философских исканий переходили от язычества к христианству и наоборот.

Не имея возможности рассмотреть здесь все филологические и философские сюжеты, изученные Р. С. Соловьевым, я хотел бы отметить несколько тезисов и разделов диссертационной работы, которые представляются **особенно интересными и удачными**. Так, весьма продуктивным кажется выдвинутое в **главе II** предложение сопоставлять не только отдельные сочинения философов-язычников и христиан, но и представление о каноне текстов в разных традициях; как показывает Р. С. Соловьев, неоплатоники составили собственное собрание авторитетной литературы, включавшее, наряду с диалогами Платона и работами Плотина, Халдейские оракулы, Гомера, Гесиода и т. д., в значительной степени – в ответ на канон священных текстов, который немногим ранее начал складываться у христиан. В **главе III** на основе первоисточников замечательно реконструируется обстановка школы Плотина (из которой вышли Амелий и Порфирий). Там же дается разбор принадлежащего Амелию толкования на пролог Евангелия от Иоанна, сохранившегося в цитате у Евсевия Кесарийского: здесь примечательно обсуждение

возможных причин неупоминания в тексте имени Иоанна (названного просто «варваром»). Ссылаясь на благожелательное отношение к варварской премудрости Нумения Апамейского, которого высоко почитал Амелий, Р. С. Соловьев, как кажется, убедительно подкрепляет версию Дж. Диллона о том, что умолчание имени не содержит уничижения (вопреки тому, что можно предположить, исходя из практик Нового времени). В **IV главе** интересно предположение о том, что за именем Фавмация у Порфирия скрывается ироническое представление Оригена. Еще один убедительно разобранный диссертантом сюжет — проблема двух Оригенов (христианина и язычника): проанализировав сохранившиеся упоминания автора с этим именем, Р. С. Соловьев признает решающим доводом в пользу унитарного подхода то, что «ни христиане, ни языческие платоники, включая Порфирия, не говорили о двух Оригенах»; напротив, «дуализм», отстаиваемый рядом исследователей, во многом основан на нежелании нарушить постулируемую границу между христианскими и языческими авторами – границу, представление о статусе которой существенно меняет предлагаемая к защите диссертация.

Говоря о **недостатках** данной работы, я прежде всего отметил бы нежелание автора контекстуализировать обсуждаемые жанры и писательские, а также эдиционные, практики, соотнося их с более широким кругом античных источников (например, судьбой наследия Платона и Аристотеля, библиографическим дискурсом у Галена и Диогена Лаэртского и т.д.). Такого рода сопоставления были бы уместны при обсуждении хронологического и тематического принципа расположения трудов Плотина у Порфирия, практики коллективного составления комментариев в школе Плотина, истории двух изданий Плотина, использования фронтисписов в рукописных книгах, написания опровержений и самоопровержений, включения автобиографического материала в биографии, наконец при разборе самой структуры биографического текста. Разумеется, невозможно требовать знания всего античного материала от соискателя кандидатской степени, но введение такого рода контекста кажется необходимым при подготовке работы к публикации. Второе заметное упущение состоит в том, что, несмотря на то, что библиографический список диссертации насчитывает более 300 пунктов, в нем не нашлось места для работ С. С. Аверинцева, обращение к которым было бы полезно как в теоретическом плане (структура античной биографии, проблема встречи греческой литературы и ближневосточной словесности), так и по отдельным вопросам – например, в связи с проблемой изображения внешнего облика и характера автора в античных свидетельствах, по вопросу цитирования Книги Бытия у Пс.-Лонгина и др.

Высказанные замечания несколько не умаляют достоинств представленного к защите диссертационного текста Р. С. Соловьева, а скорее показывают перспективы для работы над книгой (в чем я надеюсь быть полезным автору). Автореферат диссертации соответствует всем содержательным и формальным требованиям и в полной мере отражает цели, задачи, методы, аргументацию и выводы диссертационного исследования, которое (как я постарался показать выше) является обоснованным и ценным с точки зрения современного состояния классической филологии. Полагаю, что Р. С. Соловьев заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.7 – Классическая, византийская и новогреческая филология, что, несомненно, побудит автора к новым трудам на благо российской науки.

Кандидат филологических наук
Научный сотрудник Сектора
социальных и когнитивных
проблем науки СПбФ ИИЕТ РАН

Сергеев М. Л.

28.11.2023